

* * *

Были чудом слова и улыбки,
были чудом лыжня и каток...
Но теперь чудеса эти зыбки —
под ногами опасный ледок.

Годы, годы...
Вы пыл охладили.
Но хочу до последнего дня,
чтобы ангелы радости были
на земле и в душе у меня.

* * *

От слов пора бы к делу перейти.
А это значит: надо причаститься.
Всего-то и дорогу перейти
и в нашем русском храме очутиться.

А вот не шел на исповедь давно.
Давно пора.

Пора настала.

Хлеб совести и чистоты вино
все там... И якорь, и покой причала.

Прожить всю жизнь, чтоб попросить прощенья,
в конце концов, у женщины родной
за все ее догадки и мученья,
за все твои порывы, увлеченья,
за невнимание, за все без исключенья,
и — стать землей,
стать памяти волной...

В конце концов, ты понимаешь ясно,
что мог бы жить и строже, и честней.
Покаяться пред Богом не напрасно,
А перед женщиной...
Зачем все это ей?

Нужны ей в жизни, что еще осталась,
тепло и ласка.
Что прощанья миг?
Пока душа твоя не заматалась —
последний вздох или последний вскрик —
будь с ней, с которой искренне венчалось.

* * *

Желтые листья, зеленая ряска.
Осень приходит, как добрая сказка.

Дождички льют, наплывают туманы,
Птицы летят в африканские страны...

Птицам остаться бы где-нибудь тут —
Там убивают, взрывают и жгут.

Там громыхают война за войной...
Только у нас уже веет зимой.

Выхода нет, и лететь уже надо...
Всем на земле где-нибудь да преграда.

Желтые листья, зеленая ряска...
Но все равно будет добрая сказка.

Птицы вернутся, конечно, вернутся.
Многие счастливо им улыбнутся.

Россия погибла, Россия в обвале...
Россия в дыму и огне...
Россия в безверье,
Россия в опале,
во мраке и бездны на дне...

Но нет — не погибла.
Но нет — не в обвале.
В безверии? Было. Но Бог
путем испытаний,
тоски и печали
подняться России помог.

Россия — мессия?
Не знаю.
Не знаю
и что впереди там грядет...
Я только молюсь
и в душе уповаю
на Бога и русский народ.

В АРКТИКЕ

Душа познала, что это такое,
Когда тоску восторгом утоля,
Глядишь вперед, на поле ледяное,
На белый мир с надстройки корабля!

Порой тут есть такое ощущение,
Что век далек, что в вечной тишине
Еще не начиналось исчисленье.
О, как душа возвысилась во мне!

Еще часы не пущены как будто,
Еще творенье мира предстоит.
Еще душа не знает о минутах —
От бренности гнетущей не болит.

Еще тут все свежо и незнакомо,
Еще не искупались мы в крови —
Еще как будто можно по-другому
Устроить мир — по правде и любви.

Где Черная речка впадает в Осинку...

Николай Старченко

Где Черная речка впадает в Осинку,
Мой друг уронил воспоминаний слезинку.
Он мальчиком светлым тут плавал и рос...
Потом он уехал под стуки колес.

Сюда приезжал он опять и опять...
Стучали колеса — пора уезжать.
Шли годы и годы — с седой головой
Сегодня стоит над речною водой.

Он многое видел и много узнал,
И многое понял, но жить не устал.
Эх, Черная речка и речка Осинка!
Слеза на листке или это росинка?..

Наверное, тут, где начало начал,
Быть должен последний вокзал и причал...
Где Черная речка впадает в Осинку,
Так хочется снова поставить пластинку —

Все снова и снова прожить, пережить,
На воду глядеть... И остаться решить.
Хотя невозможно уже никогда
Вернуться для жизни — для жизни! — сюда.

* * *

«Или в ноздри песок, или деньги в карман», —
Так помор говорил, выходя на путину.
Уплывал в неизвестность, во мрак и туман,
И смотрела жена ему в спину.

Беломорский песок под ногами скрипит.
Нынче время другое витает:
Пароходов огромных один только вид
В сердце чувство покоя внушает.

Но куда есть море и есть небеса,
Реет, реет меж ними тревога,
Отражаясь тоской у матросов в глазах,
Возникая в домах, у порога...

* * *

У нас все протухает с головы.
Вот и на этот раз так получилось.
Мы радовались. Но — увы, увы...
Вот и на этот раз так получилось.

Все с головы, опять все с головы —
И пресмыкательство, и слабодушие это.
Надеялись на что-то, но — увы...
Идет развал уже седьмое лето.

* * *

Опять все смутуо затянуто,
Темно над отческими кровлями.
Судьба народа — быть обманутым.
Судьба властителя — быть проклятым.

Куда ведут нас в этой темени?
Чем новый кончится *прогресс*?
Как будто мы без роду-племени,
Как будто нет у нас *очес*...

Опять трагедией и драмою
Вся эта кончится любовь.
Опять поставят перед ямою,
Куда полетится наша кровь...

* * *

Переворот, еще переворот.
Потом наоборот — неговорот...
Один урод, потом другой урод.
И с толку сбит и мечется народ.

Ну что за невезенье, что за рок...
А где герой, где воин, где пророк?
Они являлись, только нам не впрок?
— Они являлись. Но пока не срок.

* * *

На наших глазах умирает эпоха.
Одна умирает, приходит другая.
И что собиралось веками по крохам,
Сегодня размечут от края до края.

Обычное дело в истории... Все же
Тут что-то другое, не только эпохи.
Все очень на новое рабство похоже,
И, кажется мне, что дела наши плохи.

* * *

Николаю Никишину

Ты вышел из-под Калуги.
Я вышел из-под Твери.
С тобой мы по месту рожденья
Заведомо — богатыри.

Конечно, не самые крепкие,
Но все-таки не слабаки,
Поскольку росли среди поля,
У леса росли, у реки.

Так нам ли в худую годину
Побитыми псами скулить
И в битве показывать спину...
Нет, выстоять
И победить!

* * *

Засыпан пышным снегом огород,
И снег переливается, блестит...
Сидит по избам малый мой народ.
Он топит печки да тепло хранит.

Сверкает платьем подвенечным снег.
Забыли тут, когда последний раз
Шумела свадьба в этот скорбный век...
Все меньше, меньше остается нас.

Когда же ты опомнишься, страна?
Ведь нас разбойники сживут со свету.
И не война как будто, а война,
Хотя в полях воронок свежих нету.